

«ВСЮ ДУШУ ОТДАЛА НАРОДУ...»

К 120-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
М. Н. ЕРМОЛОВОЙ

1 мая 1920 года в особняке Ермоловой на Тверском бульваре особенно тщательно следили за тишиной и покоем — завтра актрисе понадобятся много сил, завтра Москва отмечает пятидесятилетие сценической жизни Ермоловой, ее «золотую свадьбу» с Малым театром.

Раздался звонок — принесла записку:

«Дорогая Мария Николаевна! Вас завтра хочет приветствовать весь Художеств. Театр. И вот прошу Вас: будьте дома между 11 1/2 и 12 часами утра. Мы отнимем у Вас не больше 10 минут. В дом войдите, конечно, не будем. Силы Ваши побережем. Пожалуйста! Ваш Вл. Немирович-Данченко».

(Рукописный отдел ГЦТМ им. А. Бахрушина. Публикуется впервые).

К 11 часам следующего дня у колонн Большого театра собралась тысячная толпа — идею Немировича-Данченко подхватила вся театральная Москва. Актёры построились в колонны и двинулись к дому Ермоловой, вызывая изумление непосвященных прохожих.

Приветственные крики ушались в особняке сквозь закрытые окна. День был хмурый, дождливый. Ермолова, накинув на плечи теплый платок, появилась на балконе. Новая волна приветствий... С тротуара на актрису были устремлены ликующие лица, стрекотала кинокамера...

Незабываемым был этот день в жизни Марии Николаевны. В трудные, «необыкновенные» годы гражданской войны чествование Ермоловой вылилось в настоящий праздник искусства. Наверное, ни один актер не слышал столько слов благодарности и признательности, сколько было обращено в этот день к Ермоловой, — гордости русского театра, совести русского искусства... Последний триумф Ермоловой остается яркой страницей жизни тех, кто был его свидетелем. А как быть тем, которые Ермолову никогда не видели?

Творчество актера, как никакого другого художника, нельзя разгадать, постичь до конца, не ощущая его человеческого «я». Особенно актера, который вносит в искусство много своего, личного. Такой артисткой была Ермолова, но именно о ней мы знаем меньше всего.

Знаменитый портрет Валентина Серова увековечил ту Ермолову, какой она являлась зрителям, потрясая и возвышая их души, отчуждая от всего мелкого, обыденного. Вдохновенная и величе-

ственная Ермолова серовского портрета давно стала символом высокого искусства. А какой человек стоит за символом? Что заставляло Ермолову страдать, сочувствовать, радоваться?

Ее творчество исследовано подробно и широко, но иногда ореол ее имени, возникший еще при жизни актрисы, не дает пробиться к ней, живого.

Ермолова была человеком, чей внутренний мир был открыт для немногих. Ее называли «великой молчалиницей», и мало кто знал, о чем она молчит... Ермолова не оставила мемуаров, а огромную часть своего личного архива уничтожила. Но она не в силах была вычеркнуть свой образ из души и памяти тех, с кем сводила ее судьба и кто сохранил ее эпистолярное наследие. Большая часть писем Ермоловой опубликована, но в разных архивах страны еще скрывается много неизвестных писем актрисы. Некоторые из них в отрывках публикуются сегодня впервые.

В жизни Ермолова была так же правдива и естественна, как на сцене. Каждая строчка, написанная ее рукой, помогает проникнуть в мир актрисы. Хрестоматийные подчас вещи вспыхивают новым смыслом, осознаются заново.

В каждой работе о Ермоловой встретится мысль о том, что она была выразительницей лучших устремлений передовой части общества. До нас дошло редкое высказывание самой актрисы в письме к В. А. Гольцеву, ученому и публицисту, сотруднику газеты «Русская мысль».

«... От всей души благодарю за то внимание и любезность, с каким отнеслись ко мне представители интеллигенции. Я была очень тронута этим, и в вашем лице благодарю всех участников в поднесении мне цветов от «Русской мысли». Вы, конечно, поверите мне, что как артистка, я глубоко ценю сочувствие лучших представителей публики, которой я служу».

(Рукописный отдел Государственной библиотеки им. В. И. Ленина).

Одним из этих «лучших представителей» был Семен Иванович Васюков, революционер-народник, привлекавшийся по «делу 193-х», который неоднократно подвергался арестам и был сослан за политическую неблагонадежность.

«...о моем освобождении хлопотали родные и между прочим одна известная артист-

ка», — писал С. И. Васюков в 1908 году. Этой артисткой была М. Н. Ермолова, благодаря усилиям которой Васюкову разрешено было вернуться из ссылки в Москву.

Скажи мне, кто твой друг... Самыми близкими друзьями Ермоловой всегда были люди скромные, ничем не знаменитые, но те, кого отличала особая душевная и гражданская чистота.

С С. И. Васюковым Ермолова познакомилась в одном из полудельных студенческих кружков, когда ей было двадцать лет; эта дружба не прекращалась многие годы.

Вызвали Васюкова из ссылки, Ермолова продолжала заботиться о нем, в частности, написала С. А. Юрьеву, критику и переводчику, известному своими прогрессивными убеждениями, тому С. А. Юрьеву, который перевел специально для первого бенефиса Марии Николаевны в 1876 году пьесу Лопе де Вега «Овечий источник», с которой началось ее восхождение.

«Добрый Сергей Андреевич, не окажете ли вы содействие представителю этой записки Семену Ивановичу Васюкову в деле, о котором он сам вам расскажет. Он человек честный. Будьте добры, если можете, сделайте».

М. Ермолова.*

(ЦГАЛИ, ф. 636).

Вот так, без громких слов, с высшей оценкой «он человек честный», поддержала Ермолова друга молодости, желая помочь ему утвердиться на литературном поприще.

Вообще писем, в которых Ермолова просит за кого-нибудь, больше всего. Это за себя ей было трудно просить, но других, нуждавшихся в поддержке, она никогда не оставляла...

Е. Карпову, главному режиссеру Александринского театра: «...окажете свое содействие молодому талантливому актеру Н. Н. Музилю, который переводится на ваше попечение в Петербург. Устройте ему хороший дебют, право, он заслуживает этого, вы сами увидите...».

(ЦГАЛИ, ф. 770).

Из писем Ермоловой, от нее самой крайне редко можно узнать о ее непосредственной работе, о театре. Видно, она с такой глубиной проживала жизнь своих героинь, так полно говорила все, что хотела сказать, со сцены, что потребности обсуждать, делиться с кем-то вне спектакля у нее не было. Тем дороже то немногое, где она упоминает о театре.

В 90-е годы Ермолова писала в Петербург писательнице С. И. Смирновой-Сазоновой:

«...Мне пришло на мысль написать вам по поводу моего отчаянного положения относительно бенефиса в нынешнем году. Я пришла к какой-то стене, за которую не могу перелезть».

Говоря проще, я не могу найти пьесы в свой бенефис. Вы хорошо знакомы с европейской литературой, не помните чего-нибудь? Наконец, у вас французский театр, нет ли в нем чего, хоть из старого, посылней и посерьезней. Правда, я очень разборчива, я перечитала все, что можно было перечитать на всех языках, не исключая санскритского (в переводе, конечно) и ничего не нахожу».

«...Хочу иметь хорошую пьесу и хорошую роль, но имею или роли без пьесы, или пьесы без роли. Черкните тогда хоть два словечка. Только, конечно, не современных русских драматургов. Я дошла от них до такого состояния, что хоть вешаться, топиться, резаться. Сезон за сезоном купаюсь в какой-то помойной яме, пьесы валяются одна за другой. Публика настойчиво требует хороших пьес или возобновления классических, или Островского».

Но начальство наше только плюет на публику и гостеприимно отворяет дверь всем бездарностям...»

(Пушкинский дом, ф. 285).

Начало нового столетия принесло первой артистке России трудности особого рода. Нравственным законом творчества Ермоловой всегда оставался оптимизм, вера в человека. Надрыв и болезненное неприятие искусства, зародившегося в преддверии первой русской революции, были глубоко чужды ей. Из писателей новой эпохи она горячо приветствовала А. М. Горького. «Увлекалась очень пьесой «На дне», а уж от игры прямо с ума сходила», — пишет она С. П. Средину.

(ЦГАЛИ, ф. 470).

Послереволюционное настроение «большого века» поддвигало на Ермолову так же, как на всех «лучших представителей публики», в унисон с которыми билось всегда ее сердце.

Письмо 1906 года, в Петербург, С. Н. Шубинскому: «...Живем, как и вы теперь, вероятно, в вечном страхе за будущее... Все летит вверх ногами, а искусство наше в особенности... Может быть, настанут более спокойные времена...»

(Гос. публичная б-ка им. Салтыкова-Щедрина, рукоп. отд. ф. 874).

Вместе с этим письмом Ермолова отправила в Петербург подарок — книгу: «...Это издание Бахрушина, которое готовилось к моему 25-летию, но опоздало. Оно вышло так хорошо, что решаюсь послать вам его на память обо мне. В этой книге вся моя молодость, самые лучшие годы моей жизни. А теперь я уже стала стара и очень устала, так что думаю скоро покинуть сцену...»

(Там же).

Мысли об уходе со сцены были связаны не столько с болезнью актрисы, сколько с крушением тех идеалов, которым она отдавала свою жизнь. И в 1907 году она решила по крайней мере на целый год покинуть Малый театр. Что поднялось тогда в Москве! Прощальный спектакль Ермоловой превратился в протест «лучших представителей», вылился чуть ли не в политическую демонстрацию. Вот когда Ермолова с новой силой ощутила всю любовь и нужду в ней русской интеллигенции. В этот вечер она слышала из зала многократное: «Ермолова, не уходите!» А на следующий день получила кучу взволнованных писем: неужели она на самом деле уходит? Волна любви изменила решение актрисы, и она поспешила заверить своих корреспондентов, что вернется в театр. В новом письме, адресованном редактору «Русской мысли» В. А. Гольцеву, Ермолова писала:

«...Болезнь моя не опасная, но требует продолжительного лечения, что и вынудило меня взять отпуск. Это очень неприятно для меня, но я люблю жизнь и хочу сохранить ее насколько возможно...»

(Госуд. б-ка имени В. И. Ленина, рукоп. отд.).

А жизнь ей была нужна для театра, вне которого она ее не представляла, просто — не жила. Инстинктом великого художника она всегда берегла себя — свои физические и душевные силы, не разбрасывала их в суете.

Советское правительство наградило Ермолову званием народной артистки республики. Впервые в истории присваивалось такое звание. Принимая его, Ермолова сказала: «Всю душу отдала народу и всей душой принадлежу народу».

Юбилей подвел итог пятидесятилетней деятельности Ермоловой на сцене. В последние годы жизни она была тяжело больна. 12 марта 1928 года Мария Николаевна Ермолова скончалась.

И. РОДИОНОВА,
ст. научный сотрудник
ГЦТМ им. А. Бахрушина.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
13 ИЮНЬ 1973